

Бушканец Л. Е., Иванова Н. Ф.

ПЕРЕПИСЫВАНИЕ ЧЕХОВА В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ: ОПЫТ Д. В. ДРАГУНСКОГО

Аннотация. В современных литературоведческих исследованиях тема «Чеховские претексты в русской литературе XX-XXI годов» одна из самых популярных, что связано с очевидностью используемого материала. Однако анализ часто останавливается на этапе констатации чеховских реминисценций, цитат, ремейков чеховских сюжетов и пр. За этим постоянным присутствием Чехова в поле современной литературы и декларируемой любовью к нему скрывается постоянная внутренняя полемика, отношение к Чехову – любовь и раздражение одновременно, что невозможно понять, не обратившись к истории рецепции Чехова, в том числе в начале XX века. Ситуация, когда писатель использует Чехова в своей литературной полемике, анализируется на примере творчества Д. В. Драгунского. Позиция писателя репрезентативна для современной картины мира и помогает вскрыть причины, по которым современные авторы ведут постоянный внутренний разговор с Чеховым.

Ключевые слова: Чехов А. П., Драгунский Д. В., переписывание классики, социальные сети, претекст.

Для цитирования: Бушканец Л. Е., Иванова Н. Ф. 2024). Переписывание Чехова в современной прозе: опыт Д. В. Драгунского // Ученые записки НовГУ. 2024. 1(52). 101-110. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).101-110

В литературе конца XX-XXI вв. часто трансформируются тексты классической русской литературы. Для описания этих случаев используются термины «псевдоклассика», «переписывание классики» и подобные.

Одним из тех русских писателей, которые постоянно «тревожат» современных авторов, как прозаиков, так и драматургов, является А. П. Чехов. Вспомним только самые известные произведения, и это повести и рассказы, новеллы, а также циклы рассказов, очерки, эссе и пьесы, которые содержат прецедентные тексты: «Русская тема. О нашей жизни и литературе», «Человек в углу» и «Крыжовник», «Чехов с нами» В. Пьецуха, «Картинки» С. Солоуха, «С горы» и «Дама с собаками» Л. Петрушевской, «Чайка» Б. Акунина, «Дама с собачкой: апокриф» Э. Дрейцера, «Полонез Огинского» Н. Коляды, «Фирсиада» В. Ливанова, «Ворона» Ю. Кувалдина, «Мой вишневый садик» А. Слаповского, «Русское варенье» Л. Улицкой, «Область слепящего света» и «Большеглазый император, семейство морских карасей» Д. Рубиной, «Антон, надень ботинки» В. Токаревой, «Большая дама с маленькой собачкой» Л. Улицкой, очерк «Русский характер» из «Затесей» В. Астафьева, рассказы Г. Щербаковой, «Пятьдесят два буквых древа» и цикл «Рассказы о любви» Ю. Буйды, эссе «Окунаясь в Чехова» А. Солженицына, повесть «Настя», романы «Роман» и «Голубое сало» В. Сорокина, «Любовь и море» Т. Толстой и пр. и пр., что свидетельствует о масштабности явления. Прецедентный чеховский текст становится основой самых разных «переделок»: это может быть пастиш, стилизация, сиквел, приквел, ремейк... Переделываются обычно «школьные», абсолютно узнаваемые произведения: «Дама с собачкой», «Человек в футляре», «Душечка», «Лошадиная фамилия», «Смерть чиновника», «Спать хочется», «Чайка», «Вишневый сад», реже «Ионыч» и несколько других.

Соответственно, огромное число статей и диссертаций посвящено исследованию этой ситуации в современной литературе. Материал очевиден, узнаваем и легко систематизируется: современные авторы цитируют чеховские названия, имена героев, используют фабулу и ситуации, композиционные приемы, диалоги, отсылают к

известным фактам чеховской биографии и вставляют дословные и слегка измененные цитаты из чеховских произведений [только несколько примеров: Адамович, 2001; Ермолин; Кучина, 2004; Михина, 2021; Михина, 2007; Катаев, 2002; Катаев, 2004; Петухова, 2005; Степанов, 2003; Савельева, 2002; Щербакова, 2003]. Объясняется подобная ситуация исследователями и самим авторами несколькими причинами, при том, что современный автор чаще всего заявляет «о любви всей моей жизни к Антону Павловичу Чехову»: 1) постмодернистским мироощущением, что осмысляется как положительное явление (игра с чужими текстами) или отрицательное (нет «ничего святого», деформация разрушает смыслы); 2) отсутствием собственного воображения («В этом производстве смешались неспособность литераторов придумать оригинальный сюжет и обусловленное потребностями издательств промышленное создание ухудшенных копий» [Золотоносов, 2002, с. 43]; 3) соперничеством с предшественником и желанием его «переиграть»; 4) «раздражением» и несогласием с предшественником, часто это раздражение не от самих произведений классика, а их хрестоматийной интерпретацией; 5) стремлением проверить, как герои прошлого проявят себя в ситуации современности.

Как бы то ни было, главная причина в том, КАК понимается Чехов и его картина мира, а дальше уже возникает согласие с ним или несогласие, стремление «привлечь» его на свою сторону или, наоборот, спорить с ним. К сожалению, именно этот самый важный вопрос остается после констатации «деконструкции» и «деструкции» Чехова нерассмотренным.

Одним из тех, кто постоянно упоминает имя Чехова как своего литературного учителя, является Д. В. Драгунский. Писатель не только постоянно «переписывает» Чехова (у него даже есть литературная программа «Чехов. Версии и вариации», в которой он читает рассказы-вариации на темы «Ионыча», «Дамы с собачкой», «Дома с мезонином» и пр.), Чехов является предметом его постоянных размышлений. Потому его рефлексия может стать ключом к пониманию более общей ситуации в осмыслении современной литературы.

Прежде всего, Чехов становится для него самооправданием в связи с кажущейся новой формой бытования литературы – в социальных сетях. Рассказы Драгунского ориентированы на публикацию в Интернете и быстрый отклик со стороны читателей: «"Ваши записи в «Фейсбуке» (Прим.1) – это просто блог, творческая лаборатория, из которой потом выходят сборники рассказов, или какой-то особый жанр?" – "И то, и другое, и третье. Блог – это не просто! Прежде всего это платформа для публикации моих рассказов, непременно с обратной связью. У меня более 60 тысяч подписчиков, поэтому отклики бывают быстрые и разнообразные. Далее, это читательская конференция, где я отвечаю на вопросы и, бывает, на ходу редактирую сам себя. Ну и наконец, сам формат блога заставляет писать коротко и внятно"» [Поздеева, 2021]. Практически все произведения, входящие в новые издаваемые сборники, автор сначала публиковал в социальных сетях, и финалы обсуждались многочисленными читателями, предлагавшими в комментариях свои концовки и истолкования. Правда, со временем автор стал чаще резко отвечать на замечания о психологической достоверности персонажей и не соглашаться с комментаторами. В бумажных книгах остаются «следы» читательских обсуждений, например, к рассказу «Поэт и муза» автор дает еще пять вариантов концовок.

Критика назвала этот жанр микроновеллы (рассказы в стиле «iPhone», на одну-две прокрутки на экране) уникальным. Однако эта форма бытования литературы восходит к так называемым «тонким» журналам чеховского времени, а комментарии напоминают «Почтовый ящик» журнала «Стрекоза». Требование социальных сетей писать «коротко и внятно» вполне соответствует требованиям тонких журналов, которые, к тому же, выходили раз в неделю (современный блогер должен не менее чем раз в день появиться на просторах Интернета). Отсюда же пришли и специфические короткие жанры и интернетовская тематика (например, в тонких журналах каждый год повторялись темы, связанные с календарем: святки, масленица, весна в городе, пасхальные рассказы, переезд на дачи и пр. – вспомним обязательное «Февраль. Достать чернил и плакать» каждый год первого февраля во всех социальных сетях). «Жизнь в вопросах и восклицаниях» Чехова продолжается в рубрике Драгунского «Восклицания и ответы», он пишет 27 сентября 2023 года: «"Самое страшное, что..." – "А вы уверены, что это на самом деле самое страшное, что нет ничего страшнее?". "Весь ужас в том, что..." – "Если в этом весь ужас, то значит, во всем остальном ужаса нет, и это утешает". – "Я только одного не могу понять..." – "Вы только одного не можете понять? Счастливый человек!"» (Прим. 2).

Форма бытования определяет и обращение к жанру новеллы: социальные сети ориентируют на публикацию короткого остроумного рассказа с удерживающим внимание сюжетом и элементами притчи. Новелле, как утверждает Драгунский, он учится у Чехова, сознательно овладевая мастерством: «Хочется, чтоб современная русская литература была... Великой? Гениальной? Открывающей миру неведомую ему правду? Да нет, куда там. Снизим градус пафоса и скажем так: глобально конкурентоспособной. <...> Главным стало не «как написано», а «что написано». Даже не «что», а «о чем» – и, далее, «за кого» или «против кого». Говорили: «эта книга против крепостного права», «вскрывает язвы уездной жизни», «безыдейный светский романчик», «любование помещичьим бытом». Отсюда – из стремления к важной теме, к глубокой мысли и к пресловутой «честности» – пренебрежение сюжетом и общей увлекательностью», а потому, надо овладевать навыками литературного ремесла» [Драгунский, 2007].

Но следование тем или иным приемам (новеллы Драгунского вслед за Чеховым – крепко сбита конструкция) не может не быть обусловленным диалогом с Чеховым на более высоком уровне, когда речь идет о главном, о картине мира.

В новелле мастерство проявляется в концовке, и Драгунский – мастер парадоксальных и неожиданных концовок. Как отметил один из сетевых читателей: «Он умеет в коротком рассказе зацепить внимание и часто при этом идёт на провокацию» [Каширских]. Эта провокация строится на беспощадных антропологических наблюдениях, ставших предметом минижанра, – «*Этнография и антропология*». Например: «Чувство общности. В 1970-м примерно году дело было. Тогда как раз выпустили водку по новой цене! Я за ним. Вбежал, там к прилавку уже очередь. Длинная. Встал. Люди берут по две, по три бутылки... Кто-то без очереди лезет, его гонят. Кто-то кричит, чтоб больше двух в одни руки не давали. Долго стоял. Полчаса, наверное. Но достоялся! – Сколько взял? – Да нисколько. – ??? – У меня денег совсем не было. Совсем, понимаешь? Но я все-таки купил коробок спичек» (Прим.3). А

вот новелла, построенная как дневник пожилого негодяя – жанр, популярный и в чеховское время: «Из старинных воспоминаний. Рассказывал господин Вертихватов, чиновник особых поручений при министре внутренних дел: “В 186-каком-то уж точно не упомню году ехал я из Петербурга в Царское село первым классом <...> Рядом со мной на диване, к окну ближе, оказался сухощавый и весьма разговорчивый старик. <...> “Эх, молодой человек...” – вздохнул старик, и стал мне рассказывать о своих женах и детях. Дескать, от первой покойной жены у него их трое, от второй тоже трое, да еще от недавно скончавшейся любовницы еще трое, я уж со счету сбился, а он признался, что с дипломатической службы прихватил с собою немочку, которая ему еще двоих детишек родила. <...> От растерянности и изумления я только и мог ему насвистеть вторую тему из увертюры к “Севильскому цирюльнику”, ну вот эту, как мы в корпусе напевали: “Пора по бабам, пора по бабам, пора по бабам по бабам бам-бам...” А он негромко подпел мне, потом вздохнул и сказал: “Умом Россини не понять!” Мы раскланялись. А когда я Егорушке фон Бумпелю рассказал, он аж воскликнул: “Батюшки! Так это ж был Тютчев! Эх. Надо было его порасспросить о судьбах России и Европы”» (Прим.4)).

Ради этих «антропологических наблюдений» можно пожертвовать условной правдой жизни, и «защитником» этой позиции снова становится Чехов: «Чехов и нет ему конца. О правде жизни, правде характеров и проч. У Чехова есть рассказ “Мечь женщины” (1884). <...> Что здесь вызывает вопросы придирчивого читателя? 1. Как это могло случиться, что в небедной семье вдруг подчистую нет денег, “муж взял всё”? 2. Как она могла целый час развлекаться с незнакомым человеком, не зная точно, когда вернется муж? Он мог прийти в любой момент. 3. Да еще зимой, когда доктор (как описано в рассказе) в медвежьей шубе? Да и под шубой непременно сюртук, суконные брюки. Возможно даже подштанники. Ботинки. Надо же раздеться! И последнее. Неужели в 1884 году в России творилось такое всеобщее <...>? Впору воскликнуть: “Не верю! Так не бывает!”» (5 февраля 2023 в 16:50). Новеллы Драгунского строятся как конструктор: сначала придумывается парадоксальный финал, не всегда возможный в повседневной жизни, но парадоксально и жестко вскрывающий человеческие слабости, а к нему подстраивается начало.

Жесткость взгляда Драгунского на своих героев вызывает споры: «Его персонажи – парадоксальны и обыденны. Часто они – слабые, пошлые и жалкие, но есть в этих несчастных героях что-то такое, что делает невозможным прервать чтение, и забыть об оставшихся за кадром хитросплетениях.<...> Специальная метка некоторых рассказов – «Этнография и антропология», и там автор с изумлением и любопытством рассматривает самый частый, распространенный, страшный тип бытовой пошлости и жлобства – в том их изводе, которому люди обычно не придают значения, объясняя это вечной человеческой слабостью. <...> А его взгляд – острый, лукавый и хищный – направлен на каждого читателя, просвечивая его, подобно рентгену. Читать прозу умного и порядочного, но циничного человека – сплошное наслаждение [Аксенова, 2020].

Этот жесткий взгляд на человека, определенный критиком как цинизм, отрефлексирован самим автором в статье «Соседи. Конспект о Чехове» и выведен именно из чеховской традиции: «Если говорить коротко, Чехов был левым автором – политически и художественно. <...> Он критиковал моральное бессилие образованного

сословия. Насмехался над властями предержащими. Был атеистом. Презирал пошлость буржуазного быта, ненавидел прописные истины, тупое законопослушание, регулярность, заданность, определенность. Он мечтал о том, чтобы покончить с рабством слабых и зверством сильных, и единственный выход видел в переустройстве общества на началах равенства и разума. Идеал Чехова – радикальная левая утопия. <...> Утопия не только этическая, но эстетическая. <...> Рассуждения о Чехове важны прежде всего для меня. Речь идет о двух моментах. Моя проблема <...> – это проблема левого тупика. Страсть к справедливости, любовь к “страдающему брату” – и понимание того, насколько все это смешно. Глупо, неосуществимо, а если вдруг осуществляется – то смертельно опасно. Здесь же, в левом тупике, живет и вечная попытка освободиться от нагрузок семейной традиции (другой традиции не бывает). Освободиться радикально – то есть не восстановить ее в своей новой семье, а “просто освободиться”. Оставить мертвым хоронить своих мертвецов. Разорвать связь – уничтожить оторванное, чтоб не прилипало и не грызло, – и тем самым уничтожить себя. В результате такого разрыва остается безопорное существование (не жизнь, а “экзистирование” – Господи, тоска-то какая!), остается пустое внутритекстовое рассуждательство для человека, чьи левые амбиции не осуществились. Возникает та самая “опустошенность”, исчерпание всего возможного. <...> Опыт Чехова – попытка вырваться из левого тупика, минуя и доктринальную правизну, и пошлость обыденного существования. <...> В какой-то момент умственного развития (неправильный термин, но зато все поняли, о чем я) некоторые люди начинают ощущать несправедливость мира и невозможность жить по-прежнему. И попадают в левый тупик. <...> Из левого тупика возвращаются усталые люди. Опустошенные. Потому что никто, кроме отдельных фанатиков-харизматиков, не может в своем личном переживании переработать и преодолеть разрыв человеческих связей» [Драгунский, 2007].

Потому ремейки Драгунского усиливают в Чехове именно цинично-нигилистическую составляющую. Как, например, в «переписанной «Даме с собачкой»: «Ко дню рождения Антона Павловича Чехова. "Господин с кошкой". На террасе отеля появилось новое лицо: господин с кошкой. Он сидел один за столиком, пил кофе и читал местную газету. Кошка сидела на стуле напротив. «Кис-кис-кис», - позвала Анна Сергеевна и протянула ей кусочек цыпленка. Кошка мягким дроботом прыгнула со стула на дощатый пол и подбежала к ней. Съела угощение, стала тереться об ноги. Анна Сергеевна погладила ее. <...> В разговоре выяснилось, что русский господин – его звали Дмитрием Дмитриевичем – был адвокатом из Москвы, а Анна Сергеевна – женою местного гостиничного магната. То ли совладельца, то ли топ-менеджера здешних курортов. <...> Она стала приезжать к нему в Москву раз в два-три месяца, якобы по делам своей фирмы; муж даже не проверял, есть ли у нее фирма в России. <...> Они сели в кресла и посмотрели друг на друга, радостно улыбаясь. Она думала, что этот обыкновенный пожилой господин в прошлогоднем костюме, с сидящим редким ежиком – самый дорогой человек в ее жизни, и что это и есть счастье. А он просто любовался ею. Зазвонил ее мобильник. Она ответила по-немецки. Потом ушла в другую комнату. Куда-то звонила сама. Вернулась насупленная. «Катался на лыжах, разбился, сейчас в реанимации. Самолет в восемь, – сказала она. – У нас есть еще часа три», – и сняла свитер. Потом он получил смс: “фон дидериц умер позвоню через 40

дн". Через три недели после похорон мужа она познакомилась с аргентинским актером и улетела с ним в Буэнос-Айрес.» (Прим.5).

Проблема, поднятая Д. Драгунским, обсуждалась в связи с Чеховым еще при его жизни. Полемика о Чехове как нигилисте (или левом анархисте) была постоянной и однажды развернулась особенно остро в связи с заметкой К-и-н «Маленький фельетон. Толстой – Чехов – Горький. Настроения трех поколений» в 1901 г. Первый нигилист – Толстой, но он не замечает своего нигилизма, надеется, что «выпутается из затруднения», а вот отчаяние досталось на долю следующего поколения: «<...> нигилизм для “чеховцев” уже не отрицание старого, соединенное с надеждой найти новое, а уныние и “самогипноз посредством пессимизма” и Чехов, – крайний, окончательный вывод из Толстого. Удивляясь таланту Чехова, читатель страдает, видя длинную процессию его больных, полумертвых героев, – хоть чем-нибудь жить, да жить, говорит себе читатель, истомленный хандрой и нытьем. И, наконец, это стало невыносимым: живые люди просят жизни, работы, действия. Первый, кто произнес бы это слово, показался бы исцелителем, чародеем, вождем. Им и стал Горький» [К-и-н, 1901]. Об этом же писал Ю. Александрович (А. Н. Потеряхин). Он спрашивал: что же сказал Чехов за свою недолгую жизнь? И отвечал: он дал только «разлад ума и сердца, холодного анализа и чувства». В основе его отношения к жизни автор видит нигилизм, отсутствие традиций и внутренних связей с предшествующими поколениями, толстовская критика действительности соединилась у него с ницшеанством – и Чехов «стал петь акафисты самоценной личности» [Александрович, 1911, с. 271], «Так мещански пошлы были, в сущности, идеалы того, кто так много писал против мещанства и пошлости, клеймя этими словами даже тех активных борцов против того и другого, к которым менее всего они применимы<...> И как все мещанское, эти принципы прикрывались у Чехова ницшеанскими выкриками <...> жизнь страшна, так не церемонься же с нею, ломай ее, и, пока она тебя не задавила, бери все, что можно урвать от нее» [Александрович, 1911, с. 254]. К той же проблеме обратился и мыслитель намного более высокого уровня – Л. Шестов в статье «Творчество из ничего», которая широко известна.

Переписывая Чехова, современные авторы используют чеховские темы и мотивы, стилизуют (часто через пародию) узнаваемые чеховские приемы. Но это поверхностные черты, главное – отношение к миру и к героям: согласиться с чеховским беспощадным взглядом на героев (как Д. Драгунский), осудить чеховскую жалость к героям с позиций еще более безжалостных, чем Чехов (как Л. Улицкая в «Русском варенье» или Г. Щербакова) или защитить маленького человека от Чехова (как Ю. Буйда в «Химиче»? При переносе действия в современность всеми авторами используется главный прием – эффект обманутого читательского ожидания, когда система оценок героев парадоксально меняется и «человек в футляре» становится героем положительным, сильной героиней становится чеховская слабая «дама с собачкой» и пр.

Между тем еще те же современники Чехова отметили удивительную двуплановость Чехова. Критик Е. Колтоновская полагала: «Он трудно уловим вследствие своей многогранности и исключительности» [Колтоновская, 1912, с. 209]. Именно потому герои Чехова освещены тем, что наиболее внимательные

современники называли «двуединым мирозерцанием». В 1900 г. М. Горький писал: «Все чаще слышится в его рассказах грустный, но тяжелый и меткий упрек людям за их неумение жить, все красивее светит в них сострадание к людям и – это главное – звучит что-то простое, сильное, примиряющее всех и вся. Его скорбь о людях очеловечивает и сыщика, и грабителя-лавочника, всех, кого она коснется; «Понять – значит простить» – это давно сказано, и это сказано верно. Чехов понимает и говорит – простите! <...> Осветить так жизненное явление – это значит приложить к нему меры высшей справедливости. Чехову это доступно, и за этот его глубоко человеческий объективизм называли бездушным и холодным» [Горький, 1900]. А в мемуарах Горький высказался еще яснее: «...но, презирая, он сожалел...» [Горький, 1905, с. 22]. Это двуединство художественного мирозерцания определяет полифоническое звучание чеховских рассказов, т.е. одновременное сосуществование и равноправие противоположных точек зрения, синтеза прозы и величия жизни, суровости и сочувствия к человеку, требования свободы личности и антииндивидуализм, лирическое и эпическое.

Во всех случаях современные писатели, прожив опыт XX века, оказываются сами в позиции «левого тупика», что было великолепно отрефлексировано Д. Драгунским. Творчество рождено эпохой разочарований, когда «Пустоту преодолевает литература – неразрывное соседство всего написанного ранее, написанного сейчас, написанного после» [Драгунский]. Потому в этих произведениях нет ночи в Ореанде у «дамы с собачкой», нет океана в «Гусеве» и странников из «В овраге», нет того Чехова, который стоит НАД бессмысленной жизнью. Потому «раздражает» современных авторов и неясность (на самом деле многоплановость) чеховских финалов, в современных вариантах фабула всегда завершена, и, например, в «переписанных» «Дамах с собачкой» финал комичен или драматичен, но однозначен: в конце рассказа Дрейцера Гуров вновь готов к любовным приключениям, у Рубиной любовь разрушена падением самолета, у Петрушевской любовь растворилась в быте, у Токаревой мужчина оказался слишком слаб.

Опыт современной литературы говорит об отчаянии современного человека и пока неудавшейся попытке найти что-то, на что можно было бы опереться. В отличие от Чехова.

Примечания

1. Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена».
2. Здесь и далее тексты Д. Драгунского цитируются по публикации в Telegram (<https://t.me/DDragunsky>) с указанием даты публикации.
3. Пост от 26 сент. 2023 в 20:30.
4. Пост от 14 сентября 2023 в 12:23
5. Пост от 29 января 2024 г.

Литература

- Адамович М. (2001). Юдифь с головой Олоферна. Псевдоклассика в русской литературе 90-х. *Новый мир*, 7. [Электронный ресурс] URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/7/yudif-s-golovoj-oloferna.html. (Дата обращения 15.12.2023).
- Аксенова А. (2020). Они читают твойФейсбук. *НГ-EXLIBRIS* 19.02.2020. [Электронный ресурс] URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-02-19/13_1018_dragunskiy.ht (дата обращения: 15.12.2023).
- Александрович Ю. (1911). *История новейшей русской литературы*. 1880-1910. М. 1911, 288.
- Горький М. (1900). По поводу одного рассказа А. П. Чехова «В овраге». *Нижегородский листок*, 30 янв.
- Горький М. (1905). А. П. Чехов: Отрывки воспоминаний. *Нижегородский сборник*. Санкт-Петербург: Изд-во т-ва «Знание», 11-24.
- Драгунский Д. (2007). Соседи. Конспект о Чехове. Октябрь, 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2007/1> (Дата обращения: 15.12.2023).
- Ермолин Е. А. *Антон Чехов и русская проза начала XXI века*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.auditorium.ru> (Дата обращения 15.12.2023).
- Золотоносов М. (2002). Игра в классики: ремейк как феномен новейшей культуры. *Московские новости*, 23, 27 августа.
- Катаев В. Б. (2002). *Игра в осколки. Судьбы русской классики в эпоху постмодернизма*. Москва: Изд-во МГУ, 2002, 252.
- Катаев В. Б. (2004). *Чехов плюс... Предшественники, современники, преемники*. Москва: Языки славянской культуры, 392.
- Каширских К. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall25360593_7872 (Дата обращения: 15.12.2023).
- К-и-н. (1901). Маленький фельетон. Толстой – Чехов – Горький. Настроения трех поколений. *Новое время*. 9030, 20 апр.
- Колтоновская Е. (1912). *Критические этюды*. [Рец. на: Чеховский юбилейный сборник. – Москва, 1910]. Санкт-Петербург, 292.
- Кучина Т. Г. (2004). «Дама с собачкой/с собаками»: чеховский подтекст в рассказе Л. Петрушевской. *100 лет после Чехова*. Ярославль, 136-139.
- Михина Е. В. (2007). Полемиическая интерпретация классики как «парадигма эпохи». *Вестник ЮУрГУ. Серия: социально-гуманитарные науки*. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 8(80), 70-74.
- Михина Е. В. (2021). Вторичные тексты как вариант «перекодировки» классики. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 23(80), 86-90.
- Петухова Е. Н. (2005). *Притяжение Чехова: Чехов и русская литература конца XX века*. Санкт-Петербург: Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 118.
- Поздеева Ю. (2021) Денис Драгунский о Чехове, блоге и языке современных подростков. *Южноуральская панорама*. 13.09.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://up74.ru/articles/kultura/133908/> (Дата обращения: 15.12.2023).
- Савельева В. В. (2002). «Чайка» Б. Акунина – «чисто английское убийство». *Русская речь*, 6, 36-41.
- Степанов А. Д. (2003). *Чехов и постмодерн*. Санкт-Петербург: Нева, 11, 221-226.
- Щербакова А. А. (2003). Чеховский текст в драматургии Н. Коляды. А. П. Чехов: *байкальские встречи*: Сб. науч. трудов / под ред. А. С. Собенникова. Иркутск, 83–88.

References

- Adamovich M. (2001.) Judif' s golovoj Oloferna. Psevdoklassika v russkoj literature 90-h [Judith with the head of Holofernes. Pseudoclassics in Russian literature of the 90s]. *Novyj mir*, 7. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2001/7/yudif-s-golovoj-oloferna.html (accessed: 15.12.2023).
- Aksenova A. (2020). *Oni chitajut tvoj Fejsbuk* [They read your Facebook]. *NG-EXLIBRIS* 19.02.2020. Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2020-02-19/13_1018_dragunskiy.ht (accessed: 15.12.2023).
- Aleksandrovich Ju. (1911). *Istorija novejshej russkoj literatury. 1880–1910* [History of modern Russian

literature. 1880-1910]. Moscow, 288.

- Ermolin E. A. *Anton Chehov ir usskaja proza nachala XXI veka* [Anton Chekhov and Russian prose of the early 21st century]. Available at: <http://wwwv.auditorium.ru> (accessed: 15.12.2023).
- Gor'kij M. (1900). Po povodu odnogo rasskaza A. P. Chehova «V ovrage» [Regarding one story by A.P. Chekhov "In the Ravine"]. *Nizhegorodskij listok*, 30janv.
- Gor'kij M. (1905). A. P. Chehov: Otryvki vospominanij [A. P. Chekhov: Memoirs, Fragments]. *Nizhegorodskij sbornik. SPb.: Izd-vo t-va «Znanie»*, 11-24.
- Kashirskih K. Available at: https://vk.com/wall25360593_7872 (accessed: 15.12.2023).
- Kataev V. B. (2002). *Igra v oskolki. Sud'by russkoj klassiki v jepohu postmodernizma* [Game of fragments. The fate of Russian classics in the era of postmodernism]. Moscow: Izd-vo MGU, 252.
- Kataev V. B. (2004) *Chehov pljus... Predshestvenniki, sovremenniki, preemniki* [Chekhov plus... Predecessors, contemporaries, successors]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 392.
- K-i-n (1901). Malen'kij fel'eton. Tolstoj – Chehov – Gor'kij. Nastroenija treh pokolenij [Small feuilleton. Tolstoy – Chekhov – Gorky. Moods of three generations]. *Novoe vremja*, 9030, 20 apr.
- Koltonovskaja E. (1912). [Rec. na: Chehovskij jubilejnyj sbornik. M., 1910] [Rec. on: Chekhov's anniversary collection. – M., 1910]. *Kriticheskij etjudy*. St. Petersburg, 292.
- Kuchina T. G. (2004). «Dama s sobachkoj /s sobakami»: chehovskij podtekst v rasskaze L. Petrushevskoj [“Lady with a dog/with dogs”: Chekhovian subtext in the story by L. Petrushevskaya]. 100 let posle Chehova. Jaroslavl', 136-139.
- Mihina E. V. (2007). Polemicheskaja interpretacija klassiki kak «paradigma jepohi» [Polemical interpretation of the classics as a “paradigm of the era”]. *Vestnik JuUrGU. Serija: social'no-gumanitarnye nauki. Cheljabinsk: Izd-vo JuUrGU*, 8 (80), 70-74.
- Mihina E. V. (2021). Vtorichnye teksty kak variant «perekodirovki» klassiki [Secondary texts as an option for “recoding” the classics]. *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, humanitarnye, mediko-biologičeskie nauki*, 23 (80), 86-90.
- Petuhova E. N. (2005). *Pritjazhenie Chehova: Chehov I russkaja literature konca XX veka* [Chekhov's Attraction: Chekhov and Russian Literature of the End of the 20th Century]. St. Petersburg : Izd-vo SPb. gos. un-ta jekonomiki i finansov, 118
- Pozdeeva Ju. (2021). *Denis Dragunskij o Chehove, bloge I jazyke sovremennyh podrostkov* [Denis Dragunsky about Chekhov, blog and the language of modern teenagers]. *Juzhnoural'skaja panorama*. 13.09.2021. Available at: <https://up74.ru/articles/kultura/133908/> (accessed: 15.12.2023).
- Savel'eva V. V. (2002). «Chajka» B. Akunina – «chisto anglijskoe ubijstvo» [“The Seagull” by B. Akunin – “a purely English murder”]. *Russkaja rech'*, 6, 36-41.
- Shherbakova A. A. (2003). *Chehovskij tekst v dramaturgii N. Koljady* [Chekhov's text in the dramaturgy of N. Kolyada]. A. P. Chehov: bajkal'-skie vstrechi: Sb. nauch. trudov / pod red. A. S. Sobennikova. Irkutsk, 83-88.
- Stepanov A. D. (2003). Chehovi postmodern [Chekhov and postmodernity]. *Neva*, 11, 221-226.
- Zolotonosov M. (2002). Igra v klassiki: remejk kak fenomen novejshej kul'tury [Hopscotch: a remake as a phenomenon of modern culture]. *Moskovskie novosti*. 23, 27 avgusta.

Статья публикуется впервые.
Поступила в редакцию 17.01.2024.
Принята к публикации 10.02.2024.

Об авторах

Бушканец Лия Ефимовна – доктор филологических наук, профессор, Казанский федеральный университет; музей Л.Н. Толстого (филиал Национального музея РТ); ORCID: 0000-0002-3581-6320; lika_kzn@mail.ru
Иванова Наталья Федоровна – кандидат филологических наук, доцент, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, Научно-образовательный Центр; ORCID: 0000-0002-2211-4880; nfi@inbox.ru

Bushkanets L. E., Ivanova N. F.

THE REWRITING OF CHEKHOV IN MODERN PROSE: THE EXPERIENCE OF D. V. DRAGUNSKY

Abstract: In modern literary studies, the topic "Chekhov's pretexts in Russian literature of the XX-XXI years" is one of the most popular. That is due to the simplicity and the evidence of the material used. However, the analysis often stops at the stage of stating Chekhov's reminiscences, quotations, remakes of his plots, etc. However, we should not take at face value this constant presence of Chekhov in the consciousness of modern literature and the declared love for him, there is a constant internal controversy, the attitude towards Chekhov is love and irritation at the same time. It is impossible to understand that situation without referring to the history of Chekhov's reception, including the beginning of the twentieth century. The situation when a writer uses Chekhov in his literary polemic is analyzed using the example of D. V. Dragunsky's work. The writer's position is representative of the modern situation and helps to reveal the reasons why modern authors have a constant internal conversation with Chekhov.

Keywords: Chekhov, D. V. Dragunsky, rewriting classics, social media, pretext.

For citation: Bushkanets L. E., Ivanova N. F. (2024). The Rewriting of Chekhov in Modern Prose: The Experience of D. V. Dragunsky. *Memoirs of NovSU*, 1(52), 101-110. DOI: 10.34680/2411-7951.2024.1(52).101-110